

Доктор Роберт Чисхолм, 1 и 2 Царств, сессия 11

1 Царств 17

© 2024 Роберт Чисхолм и Тед Хильдебрандт

Это доктор Боб Чизхолм в своем учении по 1 и 2 Царств. Это занятие 11, 1 Царств 17, «Вера Давида зажигает победу».

На этом уроке мы будем работать над 1 Царств 17.

Это длинная глава, 58 стихов, и я назвал ее «Вера Давида зажигает победу». Вы помните, что в 14-й главе у нас был отрывок, который мы назвали «Вера Ионафана зажигает победу». Здесь вера Давида призвана зажечь победу израильтян над филистимлянами.

Но давайте вспомним, что происходит в контексте. В 13-й главе 1 Царств Саул утратил свою династию. Это было неудачно, потому что тогда мы видим Джонатана в действии.

Я думаю, из Ионафана мог бы получиться хороший царь, но он никогда не займет трон Израиля, потому что Саул утратил свою династию. Затем в главе 15 Саул фактически лишается своего трона. Самуил говорит Саулу: поскольку ты отверг слово Господне, ты вспомнишь, что Саул не повиновался Господу в отношении проблемы амаликитян.

Он убил многих амаликитян, но оставил в живых царя и часть скота. И вот, сказал ему Самуил, за то, что ты отверг слово Господне, Господь отверг тебя. И Самуил скрепил это заявлением, что Господь не меняет своего решения, как только он что-то постановил, в данном случае — конец царствования Саула.

И так, ждем нового короля. Ранее нам было сказано, что Господь избрал человека по сердцу, чтобы заменить Саула. И затем в 1 Царств 15 Самуил называет этого человека лучше Саула.

Итак, нам интересно, кто это. Нам не придется долго ждать. В 1 Царств 16 на сцене появляется Давид.

Самуил послан Господом в Вифлеем, чтобы посмотреть на сыновей Иессея, а Давид — самый младший из них и тот, кто избран новым царем Израиля. Самуил помазывает его наедине, и Господь ясно дает понять, что он сделал этот выбор, основываясь на том, что видит в сердце Давида. В этот момент Дух Господень сошел на Давида.

Дух покинул Саула, а вместо него пришел злой дух и теперь мучает Саула. Одному из слуг Саула приходит в голову мысль, что было бы неплохо, если бы у нас был музыкальный проигрыватель, кто-то, кто мог бы играть на лире, чтобы успокоить вас, когда вас мучает этот злой дух. Итак, говорит другой слуга, я знаю только этого человека, одного из сыновей Иессея, Дэвида, — прекрасного музыканта, а также очень искусного воина.

Итак, Давида приводят к царскому двору Саула в качестве слуги. В главе 17 мы обнаруживаем, что Давида нет рядом все время. Он ходит туда и обратно между домом своего отца и двором Саула.

А в главе 17 филистимляне снова вступают в бой, и назревает еще одна битва. Об этом мы читаем в первых стихах 17-й главы. Филистимляне собирают силы для войны.

Саул собирает свои силы. Филистимляне — на одном холме, израильтяне — на другом, а между ними долина. Дэвида в данный момент здесь нет.

И, конечно же, появляется воин-филистимлянин, и мы знаем его как Голиафа. Фактически, 1 Царств 17, вероятно, является самым известным отрывком в книгах Царств и одним из самых известных в Библии. Есть филистимлянин по имени Голиаф, и он описан подробно, потому что он очень грозный противник.

А в 1 Царств 17,4 говорится, что рост его был шесть локтей и пядь. Ну и какой это рост? Ну, локоть буквально означает предплечье, поэтому локоть будет составлять примерно 18 дюймов, расстояние отсюда сюда. Пядь — это расстояние между большим пальцем и мизинцем, то есть оно составляет около 9 дюймов.

Итак, у нас есть 6 раз по 18 дюймов плюс 9 дюймов, что дает вам 117 дюймов, что соответствует 9 футам 9 дюймам. Итак, Голиаф был большим, большим парнем. Однако есть некоторые греческие рукописи, Иосиф Флавий и Кумранский свиток из пещеры 4, в которых указано 4 локтя и пядь.

Это будет означать 6 футов 9 дюймов, хороший размер мощного форварда для НБА, но не такую выдающуюся цифру, как 9 футов 9 дюймов. Итак, ученые спорят о том, что здесь происходит. Некоторые предпочитают более высокого Голиафа, утверждая, что другие источники смягчили эту историю, чтобы сделать ее более достоверной.

Другие будут утверждать: нет, в еврейской традиции произошло то, что они преувеличили рост Голиафа, а на самом деле он был 6 футов 9 дюймов». Итак, если вы хотите вернуться к этому журналу и найти те статьи Хейса и Биллингтона, вы можете прочитать все подробности этой дискуссии.

Достаточно сказать, что Голиаф был большим парнем. Он был очень зловещей фигурой. И затем у нас есть описание его вооружения.

И он действительно загружен сверху донизу. На голове у него бронзовый шлем и все доступные ему виды оружия: копье, копье. Перед ним щитоносец.

И мы обнаруживаем, что он хочет заняться единоборством. Вместо того, чтобы армии вступали в битву, в которой будет убито множество людей, Голиаф хочет просто сделать это единым боевым вопросом. Итак, Израиль выбирает воина и отправляет его против Голиафа.

И это сделка, по которой победитель получает все. И естественно, израильтяне несколько напуганы. Кто у нас есть, кто может составить конкуренцию этому мещанскому чемпиону? И он насмехается над Израилем и предлагает им послать кого-нибудь.

На самом деле у нас есть и другие примеры такого рода единоборств в древнем ближневосточном мире. Еще в 1800 году до нашей эры в Среднем царстве Египте жил герой по имени Сенуи. И он вступает в единоборство с парнем, которого называют Героем Свиты.

Этот герой свиты атакует Сенуи с боевым топором и луком. Но Сенуи сбивает его стрелой, а затем добивает дело собственным топором врага, что чем-то напоминает то, что произойдет в нашей истории.

Как известно, Давид сбивает Голиафа с помощью пращи, но затем отрубает ему голову собственным мечом Голиафа. Чуть позже на древнем Ближнем Востоке, примерно в 1250 году до нашей эры, жил хеттский царь Хатушилиш, и он рассказывает, как он победил командующего внушительными силами противника, а затем разгромил вражескую армию, несмотря на то, что он был в меньшинстве. И после этой победы он посвящает оружие своего врага своей богине.

И снова это напоминает Давида, взявшего меч Голиафа. В конце концов он попадает в святилище в Нове. Таким образом, это не уникально для древнего ближневосточного мира.

У нас есть как минимум еще пара примеров подобного единоборства. Итак, это то, чего хочет Голиаф. Он призывает израильтян послать кого-нибудь, чтобы встретиться с ним в битве.

И израильтяне, по общему признанию, напуганы. Саул и израильтяне напуганы. Итак, на какое-то время возникла какая-то тупиковая ситуация.

Израильтяне предпочли бы вести обычную битву, но филистимляне этого не хотят. И вот проходят дни, когда Голиаф бросает вызов. Затем мы переходим к главе 17, стиху 12.

Давид был сыном Ефрафянина по имени Иессея, родом из Вифлеема в Иудее. У нас есть официальное представление Дэвиду. Вам может быть интересно: ну, Дэвид уже был представлен еще в главе 16.

Это звучит так, как будто он совершенно новый персонаж. Но это формальное введение, в том виде, в каком оно структурировано. До сих пор Саул и Самуил были главными героями книги.

И я думаю, что это сигнал о том, что ситуация изменится. Мы уже знаем, что Давид собирается заменить Саула на посту царя. Он уже помазан.

Но теперь Дэвида представляют официально, так сказать, в буквальном смысле. И это сигнал о том, что с этого момента он станет в центре внимания истории. И нам дали некоторую информацию по этому поводу.

И мы обнаруживаем, что трое старших сыновей Иессея последовали за Саулом в битву. Они там. Дэвид нет.

А в стихе 15 говорится, что Давид ходил туда и обратно от Саула, чтобы пасти овец своего отца в Вифлееме. И вот он вернулся домой в Вифлеем. Но Джесси говорит, знаешь, нам нужно отнести провизию твоим братьям.

Итак, он загружает Давида провиантом и отправляет его на фронт, чтобы тот пошел и противостоял, или не противостоял, а дал своим братьям то, что им нужно. Итак, мы читаем в стихе 20: рано утром Давид оставил стадо на попечение пастыря, навьючил его и отправился, как повелел Иессей. И он добрался до лагеря, когда армия выходила на боевые позиции, выкрикивая боевой клич.

Видите ли, Израиль по-прежнему хочет, чтобы это была обычная битва. А израильтяне и филистимляне как бы выстраивают свои боевые ряды. Давид оставляет вещи, которые он принес, хранителю запасов, а затем отправляется искать своих братьев.

И пока он разговаривает с ними, из боя выходит Голиаф, филистимлянин. И он выкрикивает свои обычные вызывающие слова, свой вызов. И в данном конкретном случае он немного более агрессивен, и израильтяне в страхе бегут.

И израильтяне говорили это, согласно стиху 25. Видишь, как этот человек продолжает выходить? Он выходит, чтобы бросить вызов Израилю. Король подарит большое богатство тому, кто его убьет. Он также выдаст ему замуж свою дочь и освободит его семью от налогов в Израиле.

Итак, здесь мы обнаруживаем, что Саул уже заключил довольно выгодную сделку для всех, кто готов подойти и победить Голиафа. Он получит богатство. Он собирается жениться на члене королевской семьи.

А также его семья станет освобожденной от налогов в Израиле. Ну, Дэвид спрашивает мужчин, которые там стоят. Мы только что узнали, что обещал Саул.

Дэвид этого не слышал. И задал вопрос, что будет сделано с человеком, который убьет этого филистимлянина и снимет это позор с Израиля? Кто этот необрезанный филистимлянин, что он должен бросать вызов воинству живого Бога? Это очень интересно. Это первые слова Давида в этой истории.

Его описали, и меня это немного беспокоит. Во-вторых, кто этот необрезанный филистимлянин, что он должен бросать вызов воинству живого Бога? Мне нравится, что. Голиаф бросает вызов армиям Израиля.

Давид выводит это на богословский уровень. Он не просто бросает вызов Израилю. Когда он бросает вызов Израилю, он бросает вызов нашему Богу, живому Богу, Богу, который жив и активен.

И вот кому он бросает вызов. Но, кстати, Дэвид также хочет знать, сколько Саул платит за эту работу? И поэтому кажется, что здесь есть некоторый корыстный интерес. И на протяжении всей истории вокруг Дэвида царит эта двусмысленность.

На самом деле я написал статью об этом несколько лет назад и опубликовал ее в семинарском журнале *Vibsac* под названием «Трещины в фундаменте», где я пытаюсь показать, что есть некоторые неясности, есть некоторые ошибки со стороны Дэвида. Некоторые люди думают, что Давид — человек по сердцу Бога. Все, что он делает, должно быть хорошо.

Ну, вы, конечно, натываетесь на кирпичную стену во 2 Царств 11, когда произошел инцидент с Вирсавией, и некоторые люди чувствуют, что Давид был таким праведным человеком, а потом однажды он просто, как Шалтай-Болтай, у него просто было это великолепное падать. Нет нет нет. Признаки уже есть.

В истории присутствует напряжение. И если вы обратите на это внимание, то, что происходит с Дэвидом, не так уж и удивительно. Как мы упоминали в главе

16, рассказчик отмечает, что Давид — очень привлекательный молодой человек.

Это может создать для него какие-то проблемы, даже несмотря на то, что у него чистое сердце, на которое смотрит Бог, и это является основой Божьего решения. Итак, мы видим здесь эту двусмысленность. Дэвид выражает некоторую корысть, но в то же время он очень пронизателен с богословской точки зрения и находится на правильном пути.

Этот филистимлянин не должен этого делать. Он бросает вызов нашему Богу, и с этим нужно что-то делать. Между прочим, так будет продолжаться всю жизнь Давида и даже на смертном одре, когда он разговаривает с Соломоном, Шломо, своим сыном, имя которого означает мир.

Дэвид говорит некоторые действительно хорошие вещи о том, как Соломону следует следовать за Господом, но затем он также говорит, что, кстати, у меня есть кое-какие незаконченные дела. Есть персонажи, которых нужно убить. Иоав, Шиме, мы вернемся ко всему этому, когда будем читать историю, и он говорит Соломону, чье имя означает мир, немного окровавить свои руки и позаботиться об этих делах, и это заставляет задуматься, Давид, почему ты не позаботился об этих делах, особенно об Иоаве раньше, когда ты мог это сделать? Итак, эта двусмысленность никогда не уходит с Дэвидом, но он задает этот вопрос, и ему повторяют то, что мы читали ранее.

Говорят, ну вот что надо сделать. Вот что предоставит Саул. Старший брат Давида, Елиав, который помнит Самуила, увидел его и подумал: наверняка это тот, кого Господь избрал царем.

Это не так, и вы задаетесь вопросом, возможно, там была небольшая ревность между братьями и сестрами, когда он, старший, стоял рядом и смотрел, как его младший брат был помазан на царство в главе 16. Он горит гневом, когда видит здесь Давида, и он говорит: зачем ты пришел сюда и с кем ты оставил тех немногих овец в пустыне? Я знаю, насколько ты тщеславен и насколько испорчено твое сердце. Вы пришли только для того, чтобы посмотреть на битву, и поэтому, я думаю, он ложно обвиняет Давида, но некоторые люди скажут: ну, мы не можем полностью отвергать слова Елиава.

Может быть, в характере Дэвида были какие-то вещи, которые немного тревожили, но, тем не менее, возможно, мы можем списать это на ревность между братьями и сестрами, но Дэвид отвечает в ответ: «Что я сделал», - сказал Дэвид? Что я сделал? Я даже не могу говорить? Затем он повернулся к кому-то другому и затронул тот же вопрос, и люди ответили ему, как и раньше. Ну, Дэвид производит здесь настоящий переполох. Его брат злится на него.

Дэвид защищается. Давид говорит о том, как этому филистимлянину это сходит с рук, и сколько Саул платит за эту работу, и тому подобное. Что ж, это подслушивается и сообщается Саулу, и поэтому Саул посылает за Давидом, и в главе 17, стихе 32 Давид говорит Саулу: пусть никто не унывает из-за этого филистимлянина. Твой слуга пойдет и сразится с ним.

Итак, Давид готов выполнить эту работу, а Саул отвечает, что ты не сможешь выйти против этого филистимлянина и сразиться с ним. Ты всего лишь молодой человек, а он с юности был воином. Это опытный воин.

Забудьте на мгновение о его размерах, на мгновение, и обо всем его вооружении. Этот парень всегда дрался, а ты всего лишь ребенок. Ты не можешь выйти и сразиться с ним.

Но тогда ответ Дэвида интересен. Давид сказал Саулу: твой слуга пас овец отца своего, и когда приходил лев или медведь и уводил овцу из стада, я пошел за ней, ударил ее и вызволил овцу из пасти ее. Когда он набросился на меня, я схватил его за волосы, ударил и убил.

Твой слуга убил и льва, и медведя. Этот необрезанный филистимлянин будет подобен одному из них, потому что он бросил вызов воинству живого Бога. И что интересно, грамматика, используемая в этих стихах, указывает на то, что это не было одноразовым или двукратным событием.

Дэвид использует грамматические конструкции, которые, кажется, указывают на то, что это происходило, возможно, регулярно. Это было типично, когда рядом появлялся лев или медведь. Давид делал подобные вещи, будучи пастырем, защищая овец, противостоя этим диким зверям, и он говорит, что я собираюсь сделать с филистимлянином то же самое, что я сделал со львом и медведем.

И это может звучать как хвастовство, потому что, по-моему, он шесть раз использует глаголы от первого лица. Я сделал это. Я это сделал.

Но заметьте, в стихе 37 мы видим богословскую перспективу. Я имею в виду, он отвечает Саулу. Саул усомнился в своей способности сделать это, поэтому, естественно, он сосредоточится на том, что он сделал.

Но настоящий ключ находится в стихе 37: Господь, спасший меня от лапы льва и лапы медведя, спасет меня от руки этого филистимлянина. Итак, в этих предыдущих стихах Давид говорил: «Я сделал то, я сделал это» в ответ на вопрос Саула о его способностях. Но затем он останавливается и говорит, что это действительно был Господь.

Итак, он возвращает это на богословский уровень. Голиаф не просто бросает вызов Израилю. Он не просто насмехается над армиями Израиля.

Насмехаясь над Израилем, он насмехается над живым Богом. И Давид – не просто сильный пастырь, сумевший победить диких зверей. Давид — орудие Господне, и Господь спас его от этих зверей.

И он уверен, что Господь поступит и с этим филистимлянином. Итак, важно видеть, что Давид рассматривает это на очень богословском уровне. Это не вопрос филистимлян против израильтян.

Это проблема языческого чемпиона против Яхве, Бога Израиля. И сказал Саул Давиду: иди, и Господь с тобой. На самом деле, мы могли бы перевести это, Господь будет с вами.

Саул уверен в этом. Тем не менее, он решает, что ему нужно дать Дэвиду немного оружия. Итак, Саул одел Давида в свою одежду.

Помните, Сол довольно высокий. Дэвид, я думаю, привлекательный парень, но не было никаких признаков того, что он был необычно высоким. Итак, он надел на него доспехи и на голову его медный шлем, медный шлем, как у Голиафа.

Это юмористично. Здесь как будто Саул пытается нарядить Давида маленьким Голиафом. И прикрепил Давид свой меч поверх хитона и попробовал ходить, потому что он к ним не привык.

И Дэвид говорит: я не могу в них пойти. Я к ним не привык. Итак, он снял их.

Итак, Саул пытался дать Давиду, я думаю, из лучших побуждений, но он пытается дать Давиду то, что, по его мнению, ему понадобится для битвы. И Дэвид, это просто не работает. У Дэвида другой план.

И этот план предполагает использование его пращи. Здесь, когда вы читаете историю, все говорит о том, что все ожидали рукопашного боя. Если вы посмотрите на вооружение Голиафа, если вы посмотрите на Давида, рассказывающего о том, как он победил льва и медведя, он схватил бы их.

Итак, кажется, все указывает на то, что Голиаф и израильский чемпион встретятся на очень близком уровне. Они выйдут на ринг и будут сражаться до конца. У Дэвида другая идея.

Он будет драться как бы за пределами ринга. Они ожидают, что он появится с тем же оружием, что и у Голиафа. Дэвид собирается появиться с автоматом.

Это что-то вроде Индианы Джонса. Помните, когда приходит фехтовальщик в черной мантии и делает все это, а Индиана вроде как устал, просто измотан, и он просто вытаскивает свой пистолет и, бум, стреляет в черного фехтовальщика. И это действительно то, что янки из Коннектикута делают при дворе короля Артура, если вы читали там историю Марка Твена.

Итак, Давид берет свой посох в руку, а затем выбирает из ручья пять гладких камней, кладет их в мешочек своей пастушеской сумки и с пращей в руке приближается к филистимлянину. Было много дискуссий о пяти гладких камнях. Почему Дэвид выбирает пять? Одна из популярных традиций гласит, что у Голиафа были братья.

Позже в книге Самуила мы узнаем, что там была какая-то семья больших парней и что были и другие крупные филистимляне, но они не упоминаются в этой истории. И я думаю, что Дэвид просто проверяет, есть ли у него достаточно боеприпасов. Он доверяет Господу, но в то же время делает то, что должны делать все мы.

Мы доверяем Господу, но мы также делаем то, что, по нашему мнению, нам следует делать, и действуем мудро. Итак, Дэвид следит за тем, чтобы у него было достаточно боеприпасов. В данном конкретном случае он попадает в Голиафа с первого выстрела, но не всегда можно быть уверенным, особенно когда выбираешь камни из ручья.

Мы на самом деле нашли пращные камни на стоянках израильтян, оставшихся от ассирийцев, когда они вторглись в эту землю, и есть несколько пращных камней из Лахиша, и они немного меньше, они круглые, сделаны из кремня, они немного меньше бейсбольного мяча, но весят больше бейсбольного мяча. А Лоуренс Стегер из Гарвардского семитского музея предполагает, что камень из пращи, вероятно, можно будет развивать со скоростью от 100 до 150 миль в час. Когда Тайгер Вудс и его прайм отбили мяч для гольфа от площадки, он отлетел от площадки со скоростью около 120–125 миль в час.

Это быстро. Итак, это сможет нанести некоторый ущерб. На самом деле бейсбольные мячи весят меньше, чем эти пращи, и в наши дни многие питчеры могут толкать их со скоростью около 100 миль в час.

Бейсбольные мячи могут нанести большой вред, если попадут отбивающему в голову. Фактически, на заре существования высшей лиги Рэй Чепмен был убит поданным мячом Карла Мэйса. Так что, кстати, это не горохострел.

Праща, которую использует Дэвид, — это не дробовик, который вы, возможно, использовали в начальной школе, чтобы стрелять в Сьюзи плевками или чем-то в этом роде. Мы говорим не об этом. Мы говорим о таких вещах.

Иногда мы полагаем, что они, возможно, сделали это и подбросили их вертикально вверх, по крайней мере, когда они осаждали город, но, вероятно, такое движение. Мы знаем из Книги Судей, в которой говорится о пращниках Беньямина, которые были левшами, что достаточно интересно, и они могли поразить самую маленькую цель, какую могли эти пращники. Древние армии Ближнего Востока обычно имели в своем составе пращников.

Итак, это смертоносное оружие, которое есть у Дэвида. И приближается к Филистимлянину. А Филистимлянин, имевший впереди своего щитоносца, все приближался к Давиду.

Итак, они приближаются друг к другу, потому что, я думаю, как все и ожидали, они думали, что это будет рукопашная. И он смотрит на Дэвида и видит, что он всего лишь мальчик, светящийся здоровьем и красивый. И он презирал его, как это сделал бы опытный воин.

А он, что ты мне сюда присылаешь? Детская модель? Да, он бы этого не сказал, но я просто пытаюсь немного осовременить это. Он просто презирал его из-за молодости. Милый маленький ребенок.

Что он здесь делает? И сказал Давиду: разве я собака, что ты нападаешь на меня с палками? Может быть, потому, что он видит там персонал. И проклял Филистимлянин Давида своими богами. И ругаться здесь – это не просто выкрикивать мат.

То, что делает филистимлянин, он возводит теперь на богословский уровень. Он обращается к своим богам, одним из которых был Дагон, с просьбой дать ему победу над Давидом. Иди сюда, сказал он, и я отдам твое мясо птицам и диким зверям.

И сказал Давид Филистимлянину: ты выступишь против меня с мечом, копьем и копьем, а я выйду против тебя, и ты можешь подумать, что он скажет: с пращой. Но нет, Давид снова считает это богословским во имя Господа Всемогущего, Бога воинств Израиля, которому вы бросили вызов. Сегодня Господь предаст тебя в мои руки, и я ударю тебя и отрублю тебе голову.

В тот же день Я отдам трупы филистимлян птицам и диким зверям всего мира. Или, может быть, вся земля узнает, что в Израиле есть Бог. Итак, это треш, древний ближневосточный стиль.

Филистимлянин проклинает Давида своими богами и грозит оставить ему труп на поле боя. И Дэвид отвечает таким же образом. И все собравшиеся здесь, говорит Давид, узнают, что не мечом и копьем спасает Господь.

Ибо война — Господня, и Он предаст всех вас в наши руки. Здесь много общего между отношением Дэвида и отношением Джонатана из 14 главы. И именно поэтому после всего этого они станут очень, очень близкими друзьями, потому что я думаю, что Джонатан видит в Дэвиде часть себя.

И они как бы две горошины в стручке с точки зрения их доверия к Господу и мужества, которое это порождает в них. Итак, Филистимлянин приближается, чтобы напасть на Давида. Дэвид быстро бежит к линии боя, чтобы встретить его.

Итак, Дэвид не боится. Залез в мешок и вынул камень, швырнул его, и он попал Филистимлянину в лоб. И оно проваливается ему в лоб.

И вы можете подумать: ну как такое могло быть? Помните, от 100 до 150 миль в час. И он упал лицом на землю. Итак, праща повергает Голиафа на землю.

И тут есть своего рода итоговое заявление. Давид одержал победу над филистимлянином с помощью пращи и камня. Без меча в руке он поразил филистимлянина и убил его.

Но это еще не все. Дэвид подбежал и встал над ним. Он взял меч Филистимлянина и вытащил его из ножен.

После того, как он убил его, он отрубил ему голову мечом, как и обещал. Некоторые, кто хочет увидеть противоречия в этой главе, на самом деле скажут, что существует путаница в том, как Давид убил Филистимлянина. По одной из версий, он делает это с помощью пращи.

В другом он делает это мечом. Это не соответствует действительности. Здесь не нужно видеть путаницы.

Если вы внимательно присмотритесь к клаузальной структуре дискурса этого отрывка (а я обрисовал это в своем комментарии к Самуилу), если вы хотите увидеть это подробно. Но также в еврейском тексте есть подсказка. В стихе 51, когда говорится, что Давид убил его, используется форма глагола убить, отличная от формы, которая использовалась ранее.

И эта вторая форма глагола, на самом деле на иврите это полярная основа, для тех из вас, кто знаком с ивритом. В «Судьях Самуиле» оно используется для того, чтобы прикончить кого-то, кому уже была нанесена смертельная рана. Оно используется, например, в книге Судей 9, после того как женщина бросает жернов в голову Авимелеха и фактически наносит ему смертельный удар.

Его прикончили, и используется этот глагол. И это используется в другом месте, чтобы прикончить кого-то. Фактически, отрывок, который мы рассматривали ранее, когда Ионафан нападает на филистимлян со своим оруженосцем.

Ионафан уничтожает филистимлян. Приходит оруженосец и убивает их. Здесь используется та же форма глагола, а затем и в другом отрывке.

Итак, Давид добывает Голиафа. Он сбивает его с ног пращей, а затем собирается прикончить его собственным мечом Голиафа. Это очень похоже на то, что мы видим в той египетской параллели 1800 г. до н.э., где Сенухи сбивает противника своим луком, стрелой, а затем перебегает, берет боевой топор героя Свиты и добывает его.

Итак, Дэвид делает то же самое здесь. Когда филистимляне увидели, что их герой мертв, они повернулись и побежали, как и следовало ожидать. И сыны Израиля и Иуды с криком устремляются вперед и преследуют Филистимлян до самого входа в Гат, до того места, откуда Голиаф, и до ворот Акрона.

Должники разбросаны повсюду, и израильтяне одержали великую победу. В конце концов Давид взял голову филистимлян и принес ее в Иерусалим, а оружие филистимлян положил в свой шатер. А затем в стихе 54 это как бы продвигает нас вперед.

В конце концов, Давид проделывает то же самое с головой и оружием филистимлянина, но затем мы возвращаемся к сцене битвы в стихе 55. На самом деле, это воспоминание о начале битвы, и там говорится, что Саул наблюдал, как Давид выходил навстречу филистимлянину. Филистимлянин. И сказал Авениру, военачальнику: помни, Авенир — военачальник Саула, Авенир, чей сын тот юноша? И Эбнер ответил так же уверенно, как и вы, Ваше Величество, я не знаю.

И сказал царь: узнай, чей сын этот юноша. Как только Давид вернулся после убийства филистимлянина, Авенир взял его и привел к Саулу, причем Давид все еще держал голову филистимлянина. А чей ты сын, молодой человек? Саул спросил его, и Давид сказал: я сын твоего слуги Иессея из Вифлеема.

Здесь это создает проблему, потому что в 1 Царств 17 мы фактически имеем две версии этой истории. Более длинная версия, состоящая из текста на иврите, является основой наших английских переводов, но в греческой Септуагинте есть гораздо более короткая версия, в которой отсутствуют стихи с 12 по 31, а также отсутствует этот раздел. Поэтому некоторые ученые утверждают, что существуют две конкурирующие истории о том, как Давид встретил Саула.

Одна история находится в 16-й главе, где Давида вызывают к царскому двору. И тогда предполагается, что он был оруженосцем вместе с Саулом во время этой битвы. Но, конечно, в 17 главе мы читаем, как Давид расстался со своим отцом и ему пришлось вернуться, но в версии Септуагинты этого нет.

Итак, вы сможете увидеть Дэвида прямо на месте, если исключите эти стихи. А в этой другой конкурирующей версии Давид просто появляется на битву, а Саул еще даже не знает, кто он такой. Итак, что он здесь делает, он спрашивает Дэвида, кто ты? Ну, если он спрашивает Дэвида, кто ты? У нас явно есть проблема, потому что Саул уже встретил Давида.

Дэвид служил при его дворе. Некоторые люди возразят: ну, глава 16 расположена не в хронологическом порядке, она относится к чему-то, что произойдет позже, но похоже, что мы работаем в хронологическом порядке. И глава 17, стих 15 подтверждает это, поскольку говорит нам, что Давид вернется к Иессею, а затем вернется к Саулу.

Итак, похоже, у нас здесь проблема, и некоторые писатели придают этому большое значение. Один писатель говорит, что историк-девторономист, другими словами, автор книг «Иисус Навин», «Судьи», «Самуил» и «Цари», по-видимому, использовал более старые источники, которые иногда противоречили друг другу. Хороший пример можно найти, по его словам, во 2 Царств 16 и 17, и это ошибка.

Он имеет в виду 1 Царств 16 и 17. Согласно этому тексту, Давид впервые дважды встречает Саула. В первую очередь Давид был воином-музыкантом, который успокаивал злого духа Саула музыкой арфы и впоследствии стал царским оруженосцем.

Однако в следующей главе Давид снова появляется на сцене, на этот раз в образе мальчика-пастушка, не привыкшего к войне. Когда он неожиданно побеждает Голиафа в смертельном бою, Саул спросил Давида, чей ты сын, юноша? Почему же во втором случае Саул не узнал своего любимого музыканта и главного оруженосца? Это наше современное и критическое воображение, или Саул действительно впервые впервые дважды встречает Давида? Одно можно сказать наверняка: это не наше современное воображение. Итак, автор считает, что Септуагинта, более короткая версия, ловко исправил проблему, удалив проблемные стихи.

Итак, говорит он, если только Саул не страдал серьезным случаем амнезии или старости, обе эти истории не могут быть историческими. Это своего рода стандартный взгляд на этот отрывок, и все зависит от того, как вы понимаете вопросы в стихах с 55 по 58. Но я думаю, что критическое согласие здесь является серьезной ошибкой.

Они неправильно понимают, что происходит с грамматикой иврита. И Саул не спрашивает имя Давида. Я думаю, он знает, кто такой Дэвид.

Он спрашивает личность отца Дэвида. И вам может быть интересно: зачем ему это делать? Помните стих 25. Саул обещал победителю освобождение от налогов для его семьи.

И поэтому вполне естественно, что Саул будет думать о будущем, когда увидит, что Давид выходит, и, кстати, просто спросит Авенира, кто его отец? Кто его отец? Потому что он думает о том обещании, которое он дал. И вопрос, который он задает: Бен, чей ты сын? Это встречается только здесь, в еврейской Библии. Ближайшая параллель к этому находится в Бытие 24, 23 и 24, где вопрос: «Бей меня, чья дочь появляется».

И в этой истории вспомните, что делает слуга. Слуга ищет невесту для Исаака. Его главная забота, он не может просто так выбрать кого угодно, его главная забота – личность отца будущей невесты Исаака.

Ему нужно найти невесту в большой семье Авраама. И это совершенно ясно из Бытия 24, 4. Итак, его вопрос к Ревекке означает именно то, что в нем говорится. Кто твой отец? И обратите внимание, как она отвечает.

Она не говорит, я Ребекка. Это не окольный способ узнать личность. Она говорит, что я дочь Бетюэля.

И это хорошо, потому что Бетуэль мой родственник. Точно так же вопрос Савла означает: кто твой отец? И ответ Дэвида — это именно то, чего мы ожидаем. Я сын твоего слуги Джесси.

Итак, ни в одном случае вопрос не эквивалентен тому, как вас зовут или кто вы? Если бы это было намерением Саула, он мог бы просто сказать: «Как тебя зовут?» Это происходит в Бытие 32, 27, сверхъестественный противник Иакова, ангел, Господь, вообще-то, может быть, через ангела. Есть некоторые споры о том, что это значит. Мы не будем вдаваться в это здесь.

Он спрашивает Джейкоба, как тебя зовут? И Иаков говорит: Иаков. Другой вариант, если вы хотите узнать чье-то имя, — просто сказать: Миата, кто ты? И Исаак спросил Иакова об этом в Бытие 27, 18. Теперь Иаков в этот момент притворяется, что он Исав.

Но когда ему задается вопрос: кто ты? Он обманчиво говорит: «Я Исав». Он знает, как следует ответить на этот вопрос. Вот еще несколько примеров.

Во 2 Царств 1, 8 амаликитянин, утверждающий, что убил умирающего Саула, говорит, что Саул спросил его: кто ты? И он сказал, что я Амаликитянин. Ииуй спросил некоторых родственников Охозии во 2 Царств 10: «Кто вы?» Они ответили, что мы родственники Охозии. Ноеминь спросила Руфь в Руфи 3, 9, когда она вернулась с гумна: кто ты, дочь моя? И Рут сказала: Я Рут.

Итак, если бы Саул хотел узнать личность Давида, если бы все было так просто, он бы спросил: «Как тебя зовут?» Или кто ты? И Дэвид бы ответил: «Я Дэвид». Но, как и Ревекка, Давид назвал имя своего отца, потому что этого требовал вопрос. И на это есть веская причина, потому что из 25-го стиха 17-й главы мы знаем, что Саул обещал семье освобождение от налогов.

Итак, это не то противоречие, которое некоторые считают. Теперь есть еще некоторые проблемы, потому что вы, возможно, думаете: ну, ладно, достаточно справедливо, но Саул и Авенир уже слышали имя Иессея раньше, в главе 16. Слуга сказал: «Я видел одного из сыновей Иессея», и Саул действительно услышал отправлял ему сообщения.

Но давайте посмотрим правде в глаза: Джесси в их сознании, вероятно, фигура относительно незначительная, и им было бы легко забыть имя отца Дэвида. Это случилось со мной один раз. Один из моих хороших друзей побывал на похоронах его отца.

Две недели спустя я имел в виду его отца и не мог вспомнить его имени хоть убей. Я знал имя моего друга, но не мог вспомнить имя его отца, хотя был на его похоронах, потому что это имя не было у меня в голове все время. И Саул, вероятно, в любом случае отправил бы эти сообщения через писцов.

В тексте может быть сказано, что он отправил сообщение, но это не значит, что это похоже на личное письмо. Он просто поручил об этом позаботиться кому-то другому. Итак, кажется вполне разумным, что Саул и Авенир могли забыть имя отца Иессея.

Возможно, Саул думает, что знает, и хочет просто проверить это. Эбнер, как военный, действительно ли это так важно для него? Он мог легко забыть это имя. Но для этого есть и литературная причина.

Кажется, они какие-то невежественные. Бог совершает великие дела через Давида. Через Дэвида он начинает делать великие дела, а они на данный момент даже толком не знают, кто этот ребенок и многое о нем.

Итак, они как бы представлены немного вне цикла. Слуги знают о Давиде, но Саул и Авенир не обращают должного внимания. Другая проблема заключается в том, что если Саул знает имя Давида, почему он называет его этим молодым

человеком в стихе 55 и этим мальчиком в стихе 66? Почему он просто не скажет: Дэвид? Что ж, мы уже видели в главе 17, стихе 33, что Саул сосредоточен на контрасте между Давидом как неопытным молодым человеком и опытным воином Голиафом.

Итак, Саул называет его молодым человеком и мальчиком, потому что это его основная цель. Молодость Дэвида очень очевидна во всем этом, и поэтому, естественно, он будет обращаться к Дэvidу именно таким описательным образом, а не просто использовать его имя. Итак, я думаю, что эти проблемы можно решить, как только вы поймете, что в вопросе не было задано имя Дэвида.

Давид здесь не впервые встречает Саула. Итак, я верю, что мы сможем решить эту проблему. Я не думаю, что есть два конкурирующих аккаунта.

Тем не менее, реальность такова, что у нас есть более короткая версия Септуагинты, в которой нет той напряженности, которая есть в более длинной истории. Я думаю, что то, что мы имеем в Септуагинте, я не думаю, что это намеренно сокращенная версия, чтобы попытаться избавиться от некоторых проблем. Я думаю, что мы имеем лишь один из использованных источников.

В еврейской версии мы имеем более длинную окончательную каноническую форму истории, и из Септуагинты мы узнаем, что это один из использованных источников, но он был дополнен другим материалом, что дает нам длинную версию истории. Поскольку это будет встречаться в комментариях, которые вы читаете, я подумал, что нам нужно уделить немного времени и поговорить об этом вопросе. Но давайте подведем итоги.

Я думаю, что то, что мы видим в этом конкретном рассказе, где вера Давида зажигает победу, — это некоторые из тех же тем, которые мы видели, как я уже говорил ранее, в рассказе о победе Ионафана над филистимлянами. Мы видим, что вера в силу Господа спасти может стать катализатором победы. Мы также видим здесь, что если мы вспомним, как реагируют Саул и израильтяне, они не отвечают той верой, которая была у Давида.

И что они делают, так это сосредотачиваются на внешнем виде. Они вроде как верят в линию Голиафа. Голиаф насмехается над Израилем.

Голиаф, по крайней мере на начальном этапе, делает это филистимлянином против Израиля и чемпионом, проблемой битвы чемпионов. А когда вы сосредотачиваетесь на внешнем виде, это может затмить реальность. Вы должны ходить верой, а не видением.

И это может задушить веру и вызвать парализующий страх. Но Израиль может быть благодарен за то, что Давид вышел на поле битвы с полным доверием Господу и уверенностью в том, что каким бы большим ни был этот филистимлянин, как бы хорошо он ни был вооружен, он сможет победить его. И он сделал это с помощью своей пращи.

Немного обмана. Все ждали, что он выйдет на ринг. Дэвид говорит, не делая этого таким образом.

И он выхватывает автомат и валит его. Так что дело было не в том, что Дэвид был недостаточно вооружен или что-то в этом роде, а в том, что у него было плохое вооружение. Во многих отношениях его оружие было превосходящим.

Я думаю, что нам действительно нужно здесь увидеть, что когда Давид выходит туда с верой и уверенностью в Господе, Господь позволяет ему применить те навыки, которые у него уже были. Я уверен, что Дэвид был очень опытным пращником. Он пригодился бы в качестве пастыря.

И Господь ему позволил, он не подавился, другими словами, если вы знакомы со спортивной терминологией. Иногда очень опытные спортсмены задыхаются под давлением. Они просто не могут действовать так, как на практике, когда нет давления.

Дэвид стоял там, и ему нужно было сделать бросок, и он это сделал. И я считаю это показательным, похоже, он сделал это с первого выстрела. Другие камни ему не нужны, но на всякий случай они у него будут.

Но он сбил Филистимлянина. Господь позволил Давиду эффективно использовать свои дары. На нашем следующем уроке мы увидим, что после всего этого можно подумать, что Израиль будет праздновать великий успех Давида, но это не то, что произойдет.

Саул будет рассматривать Давида как угрозу, и успех Давида на самом деле будет иметь прямо противоположный эффект. Саул становится к нему все более и более подозрительным. Он видит, что популярность Дэвида растет.

Я уверен, он помнит слова Сэмюэля: ты потерял свою династию. Господь отверг тебя. Он выбрал одного по своему сердцу.

Он выбрал того, кто лучше тебя. И Саул собирается начать преследование Давида, пытаясь его убить. И это будет продолжаться на протяжении многих, многих глав.

И мы начнем эту историю на следующем уроке.

Это доктор Боб Чизхолм в своем учении по 1 и 2 Царств. Это занятие 11, 1 Царств 17, «Вера Давида зажигает победу».